

Е.С. Турутина

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА ЛЮБВИ

Томский государственный педагогический университет

Данная работа представляет собой попытку осмысления феномена любви в контексте гендерной проблематики. Сразу хотелось бы отметить, что любовь понимается здесь, во-первых, не только в аспекте брачных отношений (поскольку не всякий современный брак построен на принципах любви и не всякая любовь осуществляется в пределах брака), а во-вторых, не только в контексте гетеросексуальных отношений. И хотя специальным анализом однополюсной любви мне заниматься не приходилось, однако для заявления таковой вполне достаточно западных и отечественных исследований различного порядка (психологических, сексологических и социологических).

Сегодня, как показывают многочисленные социологические исследования, большинство современных женщин полагает, что удовлетворить любимого мужчину, понравиться ему (имеется в виду не только в сексуальном, но и духовном плане) и, таким образом, решить для себя одну из онтологических потребностей «быть любимой» можно только при условии наличия набора «маскулинных» характеристик (демонстративная сексуальность, сильный характер, самоуверенность, активная позиция, наличие автономной сферы личных и профессиональных интересов и т.д.). Недаром на повседневном уровне бытует представление о том, что мужчина ищет в женщине сексуальный объект, а женщина в мужчине – потенциального мужа.

Подобная мысль наглядно подтверждается широко представленной научно-популярной литературой для женщин, которая часто выглядит как практические пособия, инструкции по взаимоотношению с мужчинами («Как выйти замуж», «Секреты общения с мужчинами» и т.д.). И хотя их специальный анализ будет темой дальнейших исследований, основной мотив данных текстов можно сформулировать одной мыслью: чтобы стать интересной и привлекательной личностью, женщина должна быть сексуальной, самодостаточной, самоуверенной и сильной, материально независимой и духовно свободной. А ведь вышеперечисленные характеристики традиционно приписывались мужчине. Отсюда в литературе последних лет стали фигурировать такие понятия, как «маскулинная женщина» или «женщина с мужским стилем поведения», наряду с понятиями «традиционной» или «фемининной» женщины. Как следствие этого, философы и социологи отмечают такие тенденции гендерного порядка в современном обществе, как «маскулинизация» женщин и «феминизация» мужчин.

Подтверждением этой мысли может быть исследование современного социолога С.В. Климовой, которая выделяет женские и мужские модели любви, «полученные путем аналитической индукции описания взаимодействий респондентов в ситуациях любви» [1, с. 47]. Опираясь на данные этого исследования, можно сделать вывод о том, что женские модели любви («рациональная», «требовательная», «сексуальная» и «активная»), которые выделяет автор, не только ничем не отличаются от традиционных мужских установок, но еще в большей степени трансформируют ее образ в сторону маскулинности. Это демонстрируется тем, что из мужских моделей любви исследователь выделяет «сексуальнонезависимого», «требовательного», «рационального» и «понимающего» мужчину. Данные этого социологического исследования указывают на то, что традиционная «гегемонная маскулинность» пополняется женскими атрибутами в лице «понимающего» мужчины, а традиционная фемининность обогащается «мужскими» характеристиками.

Надо отметить, что сегодня в постсоветском обществе сложилась достаточно сложная и противоречивая ситуация в поиске наиболее приемлемых и адекватных форм гендерных контрактов. Это во многом объясняется, с одной стороны, преобладанием контракта «работающей матери» с его идеалом свободной и экономически независимой женщины, а с другой – «неотрадиционалистскими» тенденциями, возрождающими классическую роль женщины с ее самореализацией только в приватной сфере. В результате чего модель структурного функционализма вновь становится привлекательной для многих исследователей в объяснении социально-гендерных процессов современного общества. Несмотря на, казалось бы, активное развитие феминистского дискурса в социокультурном контексте российской действительности, тем не менее создается угроза еще более стремительного укоренения патриархатной системы, предполагающей разделение социальных ролей по половому признаку. На мой взгляд, сегодня мало постулировать кризис «женственности» и «мужественности»; «тупиковая» ситуация в современных (особенно постсоветских) гендерных исследованиях должна послужить мощным стимулом для развития таковых, нацеленных на поиски и построения адекватных стратегий гендерного поведения.

Вышеописанные составляющие современной женщины не являются одинаково трактуемыми самими

мужчинами. Еще в далекую древность они лишили женщину свободы и самодостаточности и одновременно с этим потеряли к ней всякий духовный интерес. Именно поэтому представители «мужского» пола тяготели к обществу себе подобных (античность), ведь общаться с самодостаточными и свободными «существами» гораздо интереснее не только духовно, но и сексуально. Женщина как жена в те далекие времена являлась для них только «орудием» деторождения, продолжения их рода; правда, философы, например Платон, интерпретировали это более красиво: как способ личного бессмертия (однако только для мужчин) и возможность приобщения к вечности.

Но мужчины того времени любили не только молодых мальчиков, но и гетер – эту особую категорию женщин в древнем мире, которая, в отличие от современных «жриц любви», была компетентна во всех сферах человеческой деятельности (искусствах, эротике, философии и т.д.). Эти женщины удовлетворяли все запросы и притязания мужчин, и поэтому только они признавались «полноценными» представителями женского рода, а значит, и достойными подлинной и истинной любви. История древнегреческой и египетской культур изобилует примерами того, как известных политиков, поэтов и философов того времени вдохновляли эти «музы любви».

Из вышесказанного можно сделать вывод, что только в акте подлинной любви женщина становилась личностью, т.е. равной мужчине. Такое представление господствует и сегодня. Но любовь как ненасытная жажда и тоска по «другому» – не вечна (почему это так – другой вопрос), и итогом ее являются две наиболее распространенные альтернативы: либо она проходит (неважно, на время или вообще), либо она становится главным мотивом брака; и тогда любовь из сферы свободного творчества плавно перемещается в реалии социальной жизни, как нам известно, пронизанной гендерной асимметрией. И тут уже начинается другая история: любимая становится женой, а любимый превращается в опору и кормильца семьи. Здесь любовные отношения одеваются в гендерные «наряды», и судьба их уже будет зависеть от того, насколько взаимное удовлетворение каждого из возлюбленных окажется возможным в новом для них социальном измерении, которым является брак.

И здесь я подхожу к той части своих рассуждений, где уместно, хотя бы в нескольких словах, изложить собственную трактовку сущности любви. Но для начала хотелось бы указать на то, что однозначное понимание любви до сих пор не представляется возможным по той простой причине, что термин «любовь» включает в себя различные и далеко не однозначные смыслы. Отсюда и вытекает сложность и противоречивость феномена любви, анализировать который можно с различных точек зрения. Пока же мне представляется возможным трактовать любовь:

– как социокультурный феномен (каждая культурно-историческая эпоха демонстрирует определенную модель (идеал) любовных отношений и совокупность реальных практик любви);

– экзистенциальный атрибут (предполагается, что любовь выступает критерием «человеческого», его уникальным и специфическим признаком);

– способ отношения к «другому» (межличностные отношения различны, и поэтому любовь выступает одной из форм взаимодействия);

– субъективное переживание (как совокупность психофизиологических процессов, сопровождающих взаимоотношения индивидов);

– одна из специфических форм отчуждения (как «отрицание» себя во имя счастья с «другим» / или «другого», как отказ от собственной самости взамен на обладание «другой»);

– способ самореализации личности (в смысле актуализации человеком своих потенциальных возможностей и «попытки реализовать свою человеческую природу» [2, с. 121]);

– одна из форм сексуальных практик, или «сценариев» (не всякое проявление сексуальности предполагает любовь, однако всякая любовь немыслима без сексуального влечения);

– форма трансценденции (любовь как условие свободы и преодоления «природной» конечности человека в творческом экстазе);

– онтологический принцип (как индивидуальное решение проблемы смысла жизни и ее ценностного содержания);

– этический принцип (как одно из оснований нравственности, поскольку часто моральное поведение выполняется только по отношению к любимым людям).

Как видно из приведенной классификации, предложенные трактовки любви представляются вполне самостоятельными и требующими специальных научных исследований, совокупность которых могла бы привести к наиболее полному представлению о сущности любви.

Однако если рассматривать феномен любви в более узком контексте взаимоотношения полов, то можно прийти к некоторым важным положениям. Но для начала хотелось бы ввести понятие «себялюбие», выступающее главным мотивом человеческого поведения. Важно отличать понятие себялюбия от эгоизма, которые часто отождествляются, и не только в обыденном языке. Не вдаваясь в специальные терминологические рассуждения, можно развести их по одному критерию: себялюбие – это естественное отношение человека к себе (иначе и быть не может), а эгоизм является продуктом социокультурного развития. И хотя философы различных эпох (Руссо, Гоббс, Пирс, Джеймс) открыто заявляли об эгоистической сущности человека, тем не менее их взгляды представляются шокирующими для определенных науч-

ных кругов. В этом смысле термин «себялюбие» как естественное отношение человека к себе является наиболее приемлемым для описания сущности человеческой природы. Эгоизм же характеризуется ярко выраженной моральной и психологической позицией, такой установкой индивида, когда «другие» относятся к периферии собственного существования и выступают средством удовлетворения личных потребностей, ценностей и интересов.

Тогда возникает закономерный вопрос: а как же альтруизм? Традиционно он считается антиподом эгоизма, и даже известные отечественные психологи современности трактуют их взаимоотношение следующим образом: «К мотивационным особенностям личности можно также отнести альтруизм и его противоположность – эгоизм» [3, с. 181]. Однако альтруизм как моральная установка к действиям предполагает добровольное самопожертвование, и в этом смысле оно является не чем иным, как проявлением человеческого себялюбия. Доказать гипотетически это положение не представляется затруднительным, поскольку индивид с подобной доминирующей позицией жертвует собой не по принуждению (если это так, тогда речь уже идет не об альтруизме), но по собственному волеизъявлению, что в конечном счете является следствием проявления собственного себялюбия, собственной реализации личности. И если говорить об этом явлении в контексте любви, то в большинстве случаев любящие жертвуют собой ради своих возлюбленных (или во имя любви вообще) только потому, что подобные жертвы доставляют им моральное и психологическое удовлетворение. Вспоминается по этому поводу лозунг всех влюбленных: «Мне хорошо уже потому, что тебе хорошо».

Что же тогда входит в понятие «себялюбие»? Если совсем кратко, то это – забота о себе. Не существует ни одного индивида, который бы не подчинялся этому принципу, благодаря которому и возможно не только социальное бытие, но и формы биологического существования. А поскольку культура – это надбиологический организм, то проявление человеческой заботы наполняется уникальными составляющими, характерными только для этой формы бытия, куда вкладывается и любовь.

Возвращаясь к гендерной тематике, можно сказать о том, что реализация себялюбия (заботы о себе) имеет гендерное измерение, поскольку в каждом конкретном обществе оно проявляется по-разному, в зависимости от тех или иных гендерных контрактов. В самом общем виде критерием выбора партнера является его соответствие нашим личным идеализированным представлениям о сексуальной привлекательности, морально-нравственных качествах, интеллектуальных и других составляющих. И в этом смысле важно, чтобы партнер соответствовал собственным потребностям, ценностям и интересам, на этом и строится союз влюбленных, которые нашли друг друга.

Человеку вряд ли будет симпатичен тот, кто не соответствует его вкусам и предпочтениям, особенно это касается сферы любви. Отсюда можно сделать вывод, что выбор сексуального партнера (в будущем, возможно, и любимого человека) осуществляется по принципу субъективного соответствия и личного предпочтения (либо как единство противоположностей, либо по признаку дополнения). Это и есть не что иное, как забота о себе, или себялюбие человека. Недаром Христос в Нагорной проповеди призывал возлюбить ближнего, как самого себя. Таким образом, любить «другого» означает относиться к нему, как самому себе, т.е. испытывать заботу по отношению к нему. Забота понимается в более широком смысле, включая сексуальное, психологическое и духовное удовлетворение друг друга, и судьба любовных отношений (и семьи, построенной на них) зависит от того, насколько длительно и прочно выполняется это условие для каждого из влюбленных.

Сегодня цикл ухаживаний продолжается до тех пор, пока каждый индивид находит «другого», «более или менее соответствующего тому, что он сам может предложить взамен на то, что он может получить от другого» [4, с. 136]. После чего и вступает в силу желание совместного проживания независимо от того, будет ли это юридический договор или гражданский брак. Как раньше, так и сегодня роль мужчины состоит в заботе о семье в публичной сфере, и он выступает ее кормильцем и защитником, а женщины – в приватной как хранительницы домашнего очага и «воспроизводительницы потомства», если даже она при этом еще работает и делает карьеру. Но и «в общественной сфере от женщин ожидалось, что они будут играть ту же роль, что и дома, заботясь о мужчинах и детях» [4, с. 115]. Отсюда видно, что термин «забота» имеет гендерную окраску, когда о ней говорится с позиции половых ролей, принятых в том или ином обществе. Развивая далее этот тезис, можно отметить, что патриархатные общества как раз и основаны на принципах выгоды и пользы, преследуемых «гегемонной маскулинностью» в своих интересах, что в частных случаях выражается солидарной заботой мужчин о себе, превративших женщину в «объект» и «вторичную реальность», причем производную от них.

Однако существенная тенденция современных обществ – это сексуальная и эмоциональная зависимость мужчин от своих жен и возлюбленных, что явилось серьезным шагом на пути освобождения женщин. Объясняется это многими факторами, главный из которых заключается в изменении основ брачного союза.

Как известно, традиционные общества не придавали значимости любви в браке, это скорее было исключением, счастливым стечением обстоятельств, нежели правилом и нормой. Традиционные браки

преследовали в большей степени экономические интересы, «концентрируя усилия на контроле за сексуальной собственностью и другими видами обмена собственностью, включенными в брачные отношения» [4, с. 121]. Доминировала такая система брака, при которой женщины обменивали свою сексуальность на средства к существованию.

Сегодня преобладает рынок индивидуального брака, когда выбор партнеров более не зависит от авторитета родителей и не имеет существенных экономических подоплек. Причиной большинства современных браков является любовь, ее стихия – свободный выбор и влечение, и ни что не в состоянии изменить ее мотивы. Этим и объясняется высокая степень разводов, если браки основаны преимущественно на любви, но именно поэтому так значимы сексуальные и эмоциональные составляющие в современных семьях. Американский социолог, автор «Неочевидной социологии» Р. Коллинз выдвигает тезис о том, что основу современного брака составляет «сексуальная собственность» как право собственности над телом другого (имеется в виду – любимого) человека: «Влюбленный обладает телом другого и в то же время любовью своего партнера, и одно является символом другого» [4, с. 122].

«В действительности эмоциональные связи сегодня соседствуют с сексуальными и, с социологической точки зрения, являются составными частями одного целого. По крайней мере, это верно для современного института брака, в котором уделяется большее внимание идеальному выражению любви. Современный брак можно рассматривать как ритуально-любовную систему сексуальной собственности...» [4, с. 121].

По мнению названного автора, сексуальная собственность – не единственная форма семейных отношений, он выделяет также поколенческую (право собственности на детей) и хозяйственную (право собственности на имущество, которым владеет семья). Под собственностью здесь понимаются не только реально существующие вещи, но и «социальное отношение, способ нашего обращения с вещами» [4, с. 118].

Развивая мысль о человеческом себялюбии, проявлением которого является любовь между партнерами, понятие сексуальной собственности, введенного Р. Коллинзом, лучше всего отражает сущность человеческой природы. За смыслом фразы «Я тебя люблю» стоят более употребительные выражения: «Ты мой/моя навеки», «Я твой/твоя навсегда», «Я никому тебя не отдам» и т.д. Все это действительно указывает на собственнический характер любовных отношений как исключительное право сексуального и эмоционального господства одного человека над другим, причем этих прав в большей степени всегда было больше у мужчин над женщиной, нежели наоборот. Однако с кризисом «пожизненного» брака

форма сексуальной собственности претерпела изменения и перешла «из абсолютной долгосрочной собственности – в серию кратковременных отношений собственности. Супружеская неверность все еще осуждается, но результатом ее скорее оказывается развод, чем насильственная смерть» [4, с. 118], как было ранее. И если женщина в большей степени зависела от мужчины экономически (сегодня эта тенденция изменяется), то мужчина приобретает другую зависимость от женщины, прежде всего сексуальную и эмоциональную. Используя терминологию Р. Коннелла, можно сказать, что в сферах «разделения труда» и «власти» преобладает господство мужчин, тогда как на уровне «катексиса» (сферы эмоций, любовных и сексуальных переживаний) можно говорить о гендерной симметрии, где каждый из влюбленных партнеров представляется друг другу единственной и уникальной ценностью (конечно, только в случае взаимной любви).

Однако любовь имеет собственнический характер, и он преобладает не только в половых взаимоотношениях, но и в родительской любви, любви к отечеству, где личные местоимения («мой», «моя», «мои» и т.д.) демонстрируют сущность этих отношений.

В таком контексте понимания любви вполне объясним феномен ревности, которая часто рассматривается как угроза покушения на личную «собственность». Современная (нуклеарная) семья связывает между собой только двух партнеров, от чего характер ревности более существенный, нежели в тех обществах, где преобладают полиандрия (многомужие) или полигиния (многоженство). Но это не говорит о том, что ревность между супругами здесь отсутствует, просто она проявляется к «посторонним», т.е. не являющимся членами совместной сексуальной собственности. Вывод, к которому приходит Р. Коллинз в своей работе, сводится к тому, что все отношения, сопряженные с чувством любви, зависят от характера сексуальной собственности, преобладающей в обществе, а бы добавила – и в каждой отдельной паре. Ведь не исключено, что встречаются союзы, в которых сексуальные контакты не являются жестко детерминированными только одним партнером. Однако интенсивность любовного влечения напрямую зависит от количества партнеров, имеющих эмоциональный и сексуальный «доступ» друг к другу. Современные психологи и социологи неоднократно подчеркивают, что те семьи, которые сохраняются в силу эмоциональных, а не каких-либо иных причин, связаны более крепко, чем когда-либо ранее. Большую роль в этом сыграл культ романтической любви, истоки которого можно проследить в провансальской культуре, песнях трубадуров о любви рыцаря к Даме.

На Западе значительное влияние на «революцию» любви оказала викторианская культура, допускавшая

брак только по взаимной любви, связывая только с ней сексуальные отношения. Представление об истинном предназначении женщины, как любящей жены и заботливой матери, неизменно способствовало жесткой демаркации между мужским и женским. И чем более идеализировалась роль женщины в семье, тем сложнее женщине становилось выйти за эти границы и тем более усилий ей требовалось для того, чтобы реализоваться в публичной сфере.

Так или иначе сегодня уже можно говорить о существенных изменениях в гендерных отношениях, связанных с ростом экономической независимости женщин. Социологические исследования показывают, что работающие женщины в большей степени свободны от мужского авторитета, а часто являются и главой семьи. По этому поводу Е.П. Ильин в своей работе приводит любопытный пример, описанный в «Комсомольской правде» в конце 80-х гг. В 100 опрошенных семьях 90 женщин назвали себя главой семьи, и их мужья подтвердили это. Десять мужей попробовали претендовать на главенство, но почти все жены им возразили. И лишь одна женщина сказала, что глава семьи – муж. Этого единственного счастливого из 100 решили наградить, предложив ему выбрать подарок. И тогда муж, обратившись к жене, спросил: «Как ты считаешь, Мария, какой лучше выбрать?» Так и не состоялся единственный глава семьи [3, с. 267]. Конечно, этот пример более напоминает анекдотичный случай, однако эта тенденция имеет место. Гендерная политика Советского государства с ее контрактом «работающая мать» сыграла значительную роль в экономическом освобождении женщины. «В этом смысле женщины, добившиеся успеха, преодолевают как общественную дискриминацию, так и домашнюю» [4, с. 134]. К тому же и для мужчин это тоже стало выгодно, ведь выступать в традиционной роли кормильца семьи в современных экономических условиях – занятие не простое; и где две зарплаты, там и семья обеспеченнее той, где одна.

Этими социально-экономическими процессами объясняется «маскулинизация» женщины, что лишней раз опровергает идею биологического детерминизма полов. «То, как культура обращается с половыми различиями, имеет почти неисчерпаемую вариативность, таким образом, очевидно, что биология здесь не играет детерминирующей роли. Женщина и мужчина являются продуктами социальных взаимоотношений, когда мы изменяем социальные отношения, мы изменяем и категории “мужчина”, “женщина”» [5, с. 156].

Сегодня в СМИ активно провозглашается идеал универсальной женщины, несущей в себе как традиционные черты (доброта, нежность, заботливость), так и те, которые явились результатом социализации женщины в публичной сфере (решительность, активность, самостоятельность, сексуальность). Причем последние традиционно приписывались только мужской природе, но сегодня они как раз и помогают женщине реализоваться в социальной жизни, в том числе и в выборе сексуального партнера и супруга вообще.

Серьезным камнем преткновения в гендерных исследованиях и феминистской мысли остается проблема домашнего труда женщины. Она выполняет сегодня не только семейные обязанности, но и профессиональную нагрузку, стремясь к самовыражению в социальной сфере. И если домашние дела у женщины носят каждодневный характер, то у мужчин – эпизодический, позволяя им распоряжаться свободным временем более разнообразно, нежели женщине. По этой причине увеличивается брачный возраст не только у мужчин, но и у женщин, которые осознают тот факт, что добиться успехов в профессиональной сфере и сделать карьеру им удастся, только будучи свободной от брачных уз. Решить сложившуюся проблему представляется возможным только путем государственного реформирования системы домашнего труда. Вне законодательного вмешательства в эту сферу человеческого бытия невозможно представить «свободную» женщину и ее гармоничный союз с мужчиной.

Литература

1. Климова С.В. Любовь как социальный феномен. Гетеросексуальные эротические отношения глазами социолога. Саратов, 2002.
2. Мадди С. Теории личности: сравнительный анализ / Пер. с англ. СПб., 2002.
3. Ильин Е.П. Дифференциальная психология мужчины и женщины. СПб., 2002.
4. Антология гендерной теории: Сб. пер. / Сост. и коммент. Е.И. Гаповой, А.Р. Усмановой. Минск, 2002.
5. Brown P., Jordanova L.J. Oppressive Dichotomies: the Nature / Culture. Debate in the Cbridge Womens Studies Group // Women and Society. L., 1982.